

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5)
EDN QICLDZ
УДК 323.1+316.3

Г. С. Денисова¹, Е. А. Авдеев², С. М. Воробьев²

¹ Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия

² Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия

РОЛЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена роли русского населения в социокультурной интеграции Северного Кавказа. Снижающийся социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика русского населения Северного Кавказа оказывают негативное влияние на дальнейшее развитие региона. Увеличиваются риски снижения роли российской культуры, ослабления ментальной основы российской социокультурной идентичности. На основе социологического анализа интеграционных процессов в регионе выделено социокультурное значение русских как носителей базовых институтов российской культуры и государственности в процессе советской и постсоветской модернизации. Раскрыты основные причины оттока русского населения в 1980–1990-е гг. и продолжающегося в настоящее время уменьшения его численности. На основе социологического опроса определена позитивная оценка молодёжью вклада русского населения в модернизацию Северного Кавказа, её положительные представления о базовых чертах национального характера русских, проживающих на Северном Кавказе, высокая степень интеграции молодых людей вокруг основных социокультурных символов общероссийской идентичности. По мнению респондентов, основными причинами оттока русских из региона являются отсутствие перспектив для развития и самореализации, бедность и безработица, клановость и коррупция. Снижение численности русского населения не воспринимается большей частью молодёжи как значимая проблема. Была выявлена высокая степень совпадения позитивных оценок респондентами различных этнических групп вклада русского населения в развитие Северного Кавказа, установлена значительная степень совпадения самоописания коммуникативных этнических характеристик русских респондентов и их восприятия респондентами из числа северокавказских народов. Результаты исследования подтверждают устойчивую тенденцию к укреплению межэтнической интеграции среди молодёжи северокавказского региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, молодёжь, русские, социокультурная интеграция, демографическая динамика, миграция

Для цитирования: Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Роль русского населения в социокультурной интеграции народов Северного Кавказа: демографическая динамика и представления студенческой молодёжи Ставропольского края // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 62–79. DOI [10.19181/nko.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5). EDN QICLDZ.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных основ идентичности молодёжи Северного Кавказа».

Введение. Русское население на Северном Кавказе сыграло значительную роль в социокультурной интеграции народов региона. Исторически политика российского государства, направленная на включение русского культурного компонента в состав населения региона, преследовала несколько целей, которые часто не манифестировались. Русские рассматривались как носители российской ментальности и основа для формирования в данном регионе современных институтов – образования, права, форм поселения, аграрных технологий и промышленных предприятий. Имплементация этих институтов в культурную среду кавказских народов региона происходила медленно, порою драматично. Этот процесс имел двустороннюю направленность культурного обмена, который лежит в основе российской цивилизации. Поэтому отток русского сегмента населения из региона, начавшийся в позднесоветский период, некорректно рассматривать только в демографическом ракурсе, поскольку вместе с потерей носителей русской культуры и современных экономико-правовых институтов в этом макрорегионе России ослабляется объективная и ментальная основа российской цивилизационной идентичности.

Сохранение геополитических угроз России и возрождение в политическом дискурсе стран условного коллективного Запада идей о расчленении России и ослаблении общенационального единства объясняют острую актуальность укрепления российской цивилизационной идентичности в республиках Северного Кавказа, и прежде всего в среде молодёжи. В этих условиях актуализируется изучение коллективных представлений молодёжи о роли русского населения в регионе. Готовность к его сохранению и расширению за счёт привлечения из других регионов, является неочевидной. Такой анализ необходим для определения возможных перспектив и тенденций дальнейшего развития Северного Кавказа (включая возможный приток русского населения), укрепления сложившегося в последние годы тренда на формирование общероссийской идентичности и межнационального согласия. Пилотная постановка этой проблемы была реализована в социологическом опросе русской и северокавказской молодёжи, который был проведён авторами в 2022 году.

Материалы и методы. Последние три десятилетия в отечественной и зарубежной науке различным аспектам социально-политической, демографической, межэтнической и миграционной ситуации в полиэтничных регионах России посвящена обширная библиография. Анализ процессов этнической мобилизации, межэтнических противоречий в национальных республиках РФ и путей выхода из конфликтных ситуаций в 1990-е гг. был проведён Л. М. Дробижевой. На основе исследования межэтнических отношений в последнее десятилетие XX в. подчёркивается необходимость расширения гражданского участия в регулировании межэтнических противоречий [1]. Большое теоретико-методологическое и практическое значение имеет исследование общероссийской гражданской идентичности, консолидирующей полиэтничное пространство России, проведённое Л. М. Дробижевой и С. В. Рыжовой. Результаты подчёркивают возрастание роли общероссийской идентичности и повышения её актуальности. Россиян объединяют прежде всего представление об общем государстве, русский язык, а также территория, родная земля, природа. Затем следуют историческое прошлое и культура. Общероссийская идентичность, по результатам количественных опросов, в основном государственно-гражданская, что позволяет ей выполнять функцию интеграции полиэтничного общества [2, с. 24–50].

Среди исследований, посвящённых анализу содержания социокультурного синтеза, сформировавшегося в регионе, можно выделить работу А. Х. Борова и Р. Х. Кочесокова, рассматривающих исторические этапы и проблемы этого процесса [3, с. 43–60.]. Анализу восприятия межцивилизационного взаимодействия непосредственными его субъектами – русскими и горцами, посвящена работа А. А. Цуциева [4; 5], который анализирует исторические корни распространённых этнокультурных стереотипов; во втором десятилетии XXI в. эта проблема была переосмыслена уже в период стабилизации политической обстановки [6]. На сложный характер русско-кавказского взаимодействия в регионе обращали внимание зарубежные исследователи, интерпретируя этот процесс как столкновение цивилизаций [7; 8].

Социологическому анализу интеграционного процесса в регионе с выделением социокультурной роли русского населения как носителя базовых институтов российской культуры и общества модерна посвящено исследование Г. С. Денисовой и В. П. Уланова [9]. Социально-демографический процесс расселения русских на Северном Кавказе на основе обширного статистического материала представлен в исследованиях А. Б. Дзадзиева, В. С. Белозерова и С. Я. Сушего [10; 11; 12]. Ими показано значительное сужение ареала расселения русских, и утрата ими консолидирующей функции в регионе в конце XX в. В этом контексте предпринимаются попытки осмыслить поиск новой платформы интеграционной политики в регионе. Интерес представляет коллективная монография учёных Южного федерального университета, посвящённая эмпирической верификации возможности имплементации в современных российских условиях зарубежных моделей межкультурной интеграции. Наряду с анализом результатов массового опроса населения субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, посвящённых оценке межнациональных взаимодействий в регионах (т.е. достигнутому к 2017 г. уровню межкультурной интеграции), в этой работе представлен также спектр позиций учёных этого макрорегиона и экспертов-практиков в сфере регулирования межэтнических взаимодействий [13]. Мониторинг межнациональных отношений в регионах ЮФО и СКФО в последнее десятилетие свидетельствует о том, что к началу 2020-х гг. произошла стабилизация в этой сфере социальных отношений [14; 15]. На первый план вышли проблемы экономического развития, однако молодёжь региона по-прежнему остаётся в зоне риска радикализации умонастроений, поскольку именно эта группа ориентирована на высокий уровень потребления, который предполагает высокий уровень дохода; но, одновременно, именно эта группа испытывает наибольшие трудности на региональном рынке труда. В 2009 и 2021 г. среди студенческой молодёжи Краснодарского и Ставропольского краёв, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик по единому инструментарию были проведены опросы, направленные на выявление динамики общероссийской идентичности, в которой отражается процесс межкультурной интеграции. Результаты опроса показали, что в группе респондентов-кавказцев за этот период увеличился дисбаланс общероссийской и этнической идентичностей при доминировании последней [16, с. 84]. Данная ситуация актуализирует необходимость изучения отношения молодёжи к присутствию русского сегмента населения в регионе.

В основу изучения отношения молодёжи к проблеме социокультурной интеграции населения региона были положены методы количественного сбора информации и сравнительного анализа. Основанием для их использования выступила необходимость выявления установок целевой группы, сегментированной по признаку этнической идентичности. Метод сбора данных – анкетирование. Опрос был проведён

в феврале-марте 2022 г. среди студентов ведущих вузов Северного Кавказа, аккумулирующих в себе молодых людей, представителей всех субъектов СКФО, а именно в Северо-Кавказском федеральном университете, Ставропольском государственном аграрном университете и Ставропольском государственном медицинском университете (г. Ставрополь), Пятигорском государственном университете (г. Пятигорск). Выбор в качестве объекта наблюдений студентов обусловлен значительной долей этой группы в когорте молодёжи 18–24 г. и её социальной активностью. Выборочную совокупность составили 1235 респондентов в возрасте 18–24 года, 54% из которых девушки, 46% юноши. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую идентичность. По результатам обработки данных опроса все анкеты были разделены на три группы: 50% русских респондентов, 40% – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10% составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам. Опрос проводился на платформе Google Формы. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что выделенные по этнической идентичности группы будут отличаться в оценке уровня социокультурной интегрированности населения и в оценке роли русского населения в формировании культуры региона. Инструментарий опроса включал несколько блоков вопросов, направленных на выявление: 1) отношения к русскому населению как составной части населения Северного Кавказа, транслируемого в переживаниях семейных событий; 2) определения стереотипного восприятия русского национального характера и культурных ориентаций русской молодёжи региона; 3) выявление отношения к снижению доли русского населения в составе населения республик и причин этого процесса. В статье рассматривается выборка русских и респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа.

Результаты и обсуждение. Первая половина XX в. характеризуется активным переселением русских на Северный Кавказ. Это было связано с возрастающими масштабами индустриализации, внедрением коллективных форм сельского хозяйства и социокультурной модернизацией. Происходила социокультурная интеграция русского и северокавказских народов в новую социалистическую систему социально-политических институтов и формирование советской идентичности, основанной на таких ценностях, как дружба народов, коллективизм, равенство и социальная справедливость. В этом процессе русское население выступало носителем базовых институтов российской культуры – государственности, русского языка, коллективных форм хозяйственной деятельности, ценностей коллективизма, межнационального сотрудничества, созидательного труда на благо общества [17].

В этот период русские сыграли значительную роль в индустриализации региона и урбанизации. Они составляли большую часть населения городов Северного Кавказа. С развитием промышленного производства происходил активный приток рабочих, преимущественно русских по национальности, из центральных и западных регионов СССР. Привлечение рабочей силы из других регионов во многом было обусловлено сохраняющимся традиционным образом жизни северокавказских народов, их привязанностью к земле и аграрным видам деятельности. Русское население стало основой формирующегося рабочего класса и способствовало активной интеграции представителей северокавказских народов в промышленный сектор экономики.

Развитие промышленности сопровождалось ростом городского населения и способствовало перетоку сельских жителей в города. Советская модернизация региона привела к увеличению русского населения в городах. Русское население

в северокавказских республиках с 20-х по конец 30-х гг. XX в. значительно возросло. В Дагестане доля русского населения увеличилась с 12,5% до 20,1%, в Чечне и Ингушетии – с 16,3% до 49%, в Кабардино-Балкарии – с 7,5% до 38,7%, в Северной Осетии – с 6,6% до 39,6%, в Карачаево-Черкессии – с 2,9% до 51%¹. К концу 50-х гг. XX в. доля русских в структуре городского населения была наибольшей. Например, в г. Грозном в 1939 г. их численность составила 122,5 тыс. человек и к концу 50-х гг. XX в. увеличилась до 196,5 тыс. человек. В г. Ordжоникидзе (Владикавказе) численность русского населения составляла 76,3 тыс. человек в конце 30-х гг. и увеличилась к концу 50-х гг. до 97,5 тыс. человек [18].

С 60-х гг. XX в. наблюдается тенденция уменьшения численности русского населения на Северном Кавказе, главным образом за счёт выезда сельских жителей в соседние регионы с преимущественно русским населением – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область. Старение русского населения способствовало сокращению рождаемости. По данным переписи населения 1989 г. доля русских в Дагестанской АССР уменьшилась с 20,1% до 9,2%, в Чечено-Ингушской АССР – с 49% до 23,1%, в Кабардино-Балкарской АССР – с 38,7% до 32%. Численность русского населения Карачаево-Черкесской АО также уменьшилась с 51% до 42,4%². Из-за миграции русское население региона в 70–80-е гг. XX в. потеряло около 200 тыс. чел. Если в начале 60-х гг. русские в северокавказских республиках составляли около 39% населения, то к концу 80-х гг. – лишь 26%. Снижение численности русского населения совпадает с дальнейшим демографическим ростом у ряда северокавказских народов [11; 10, с. 116].

Распад СССР вызвал «парад суверенитетов» в России, сопровождавшийся всплеском национализма и возрастанием межнациональной напряжённости. Эта тенденция вызвала отток русского населения, который резко вырос в период вооружённых действий в Северной Осетии и первой чеченской кампании [19]. Во второй половине 90-х гг. XX в. произошёл значительный отток русского населения из северокавказских республик (более 310 тыс. чел.). Большая часть из них уехала из Чеченской республики – 210 тыс. человек, а также из республики Дагестан – 45 тыс. чел. В г. Грозном, где существовала значительная доля русского населения, согласно переписи 2002 г. осталось только 5,3 тыс. русских [18, с. 71]. Социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика стали факторами нестабильности межнациональных и межконфессиональных отношений, оказали большое негативное влияние на дальнейшее социально-экономическое и социокультурное развитие Северного Кавказа. Уезжало в основном высокообразованное население, инженеры, врачи, учителя, представители бизнеса и эффективные управленцы, что ускоряло деиндустриализацию экономики, ликвидацию крупных товарных сельскохозяйственных производств. Торможение миграционного оттока русских произошло лишь во втором десятилетии XXI в. Так за 2000-е гг. русское население уменьшилось только на 100 тыс. человек. При этом уехали из региона лишь 60 тыс. человек, а 40 тыс. пришлось на естественную убыль населения [12, с. 117]. Тенденция снижения численности русского населения в субъектах СКФО чётко прослеживается по данным переписей населения (см. табл. 1).

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Северо-Кавказский край] // Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928-29. Цит. по: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 19.10.2023).

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д.Д.204-232. Цит. по: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (дата обращения: 19.10.2023).

Таблица 1

Изменение численности и доли русских на Северном Кавказе

Население	1959		1989		2010		2020	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Чечено-Ингушская АССР (Чеченская Республика и Республика Ингушетия)								
Все население	710 424	100	1 270 429	100	1 681 518	100	2 020 365	100
Русские	348 343	49	293 771	23,1	27 902	1,7	21 564	1,1
Другие народы	362 081	51	976 658	76,9	1 553 616	98,3	1 998 801	98,9
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)								
Все население	450 581	100	632 428	100	712 980	100	687 357	100
Русские	178 654	39,6	189 159	29,9	147 387	20,7	122 374	17,8
Другие народы	271 927	60,4	443 269	70,1	565 593	79,3	564 983	82,2
Кабардино-Балкарская АССР (Кабардино-Балкарская Республика)								
Все население	420 115	100	753 531	100	859 939	100	904 200	100
Русские	162 586	38,7	240 750	31,9	193 644	22,5	174 831	19,3
Другие народы	257 529	61,3	512 781	68,1	666 295	77,5	729 369	80,7
Дагестанская АССР (Республика Дагестан)								
Все население	1 062 472	100	1 802 188	100	2 910 249	100	3 182 054	100
Русские	213 754	20,1	165 940	9,2	104 708	3,6	102 307	3,2
Другие народы	848 718	79,9	1 636 248	90,8	2 805 541	96,4	3 079 747	96,8
Карачаево-Черкесская авт. обл. (Карачаево-Черкесская Республика)								
Все население	277 959	100	414 970	100	477 859	100	469 865	100
Русские	141 843	51	175 931	42,4	150 490	31,5	127 711	27,2
Другие народы	136 116	49	239 039	57,6	327 369	68,5	342 154	72,8
Ставропольский край (без Карачаево-Черкесской авт. обл.)								
Все население	1 882 911	100	2 410 379	100	2 786 281	100	2 907 593	100
Русские	1 607 196	85,4	2 024 068	84	2 235 165	80,2	2 310 549	79,5
Другие народы	275 715	14,6	386 311	16	551 116	19,8	597 044	20,5
Всего по Северному Кавказу								
Все население	4 804 462	100	7 283 925	100	9 428 826	100	10 171 434	100
Русские	2 652 376	55,2	3 089 619	42,4	2 859 296	30,3	2 859 336	28,1
Другие народы	2 152 086	44,8	4 194 306	57,6	6 569 530	69,7	7 312 098	71,9

Доля русского населения на Северном Кавказе согласно переписи 1959 г. составляла 55,2%, в конце советского периода она уменьшилась до 42,4%, за постсоветский период сократилась до 28,1% населения. Резко снизилась доля русского населения на территории Чечни и Ингушетии с 49% в 1959 г. до 1,1% в 2020 г., а также Дагестана с 20,1% в 1959 г. до 3,2% в 2020 г. Тенденция на сокращение русского населения продолжилась и в 2020-х гг. Численность русского населения, включая казаков, с 1959 по 2020 гг. снизилась почти в 2 раза³.

Дополнительным фактором, негативно отразившемся на демографической динамике русских в регионе, является его старение. Русская молодёжь, уезжая из республик на работу или учёбу в другие регионы, как правило, не возвращается. В 1998 г. 30% русских, проживающих на территории национальных республик, были старше трудоспособного возраста, а у северокавказских народов доля такого населения составляла 17%. Наиболее значительная деформация возрастной структуры произошла в сельских районах с преимущественно русским населением [11].

К началу 2000-х годов фиксируется значительная убыль русского городского населения, особенно в столицах республик. В течение 1990-х гг. русское население городов региона сократилось на 20-30% [18, с. 71]. По прогнозу С. Я. Сущего, при сохранении существующих негативных тенденций к 2030 г. в республиках региона численность русского населения сократится до 700 тыс. человек, а к 2050 г. она составит менее 500 тыс. человек. Произойдёт дальнейшее сужение и ареала расселения русского населения [12, с. 135].

Утрата русского населения северокавказскими республиками отразилась на экономическом и социально-политическом состоянии региона в целом. Все республики СКФО на протяжении всего постсоветского периода занимают нижние места в таблице рейтинга экономического развития, и соответственно – в рейтинге качества жизни населения. В частности, в 2021 г. все республики, исключая Дагестан, оказались в списке последних двух десятков регионов по качеству жизни (КЧР – 84 место, Ингушетия – 82, Северная Осетия – 76, КБР – 75, Чечня – 74 место)⁴. Причину такого положения эксперты усматривают в узком рынке труда и высоком уровне безработицы, особенно среди молодёжи. Показатель безработицы в республиках в 2000-х годах превышал среднероссийский в 2–3 раза, а уровень заработной платы был более низким в сравнении со среднероссийским. В постсоветский период многие крупные предприятия общероссийского значения были закрыты без перспектив возрождения. Этот сектор был заменён малыми и средними предприятиями, выпускающими продукцию для местного потребительского рынка [20, с. 63–64]. Изменение ситуации связывали с развитием туристического кластера, в который входят шесть особых туристических зон, размещённых в каждой из республик. На них были выделены федеральные инвестиции. Однако пока эти надежды не оправдались⁵. Ана-

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д.Д.204-232. URL: <https://u.to/A5151A>; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 1566а-1566д (Таблица 3,4). URL: <https://u.to/I5151A>; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <https://u.to/NZ151A>; Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: <https://u.to/Tr151A> (дата обращения: 19.10.2023).

⁴ Шесть регионов СКФО оказались в конце рейтинга РФ по качеству жизни // РБК. Кавказ. 14 февраля 2022. URL: <https://u.to/Mp551A> (дата обращения: 19.10.2023).

⁵ Первые с конца: почему в СКФО самый низкий уровень жизни // Кавказ Пост. 28 февраля 2020. URL: <https://u.to/vJ951A> (дата обращения: 20.11.2023).

лиз концептуальных подходов к стратегическому развитию Северного Кавказа, проведённый И. В. Стародубровской, К. И. Казениным и Д. А. Ситкевичем, показал недостаточную эффективность модели «модернизации сверху», предусматривающей опору на крупные инвестиционные проекты, поддерживаемые государством [21]. Российские экономисты указывают на трудность адекватного анализа экономической ситуации в регионе в связи с фрагментарностью или малодостоверностью необходимой статистической информации. Их исследования показывают, что значительная часть хозяйственной деятельности в регионе существует в нелегальных формах. «Например, доходы от приусадебного хозяйства в Кабардино-Балкарии по масштабам сопоставимы с доходами бюджета республики. Объёмы производства мелких, находящихся в тени обувщиков в Махачкале практически на порядок превышают объёмы производства официальной продукции относительно крупных предприятий (часть производства которых также носит теневой характер. Оценка расходов домохозяйств северокавказских республик также демонстрирует, что их доходы не столь малы» [22, с. 65–67]. Так же и люди, числящиеся официально безработными, могут быть заняты в рамках теневой экономики.

Города в большинстве своём перестают быть центрами промышленного развития, в них возрастает роль торговли и сферы услуг. Увеличение доли бывших жителей села в структуре городского населения способствует частичной архаизации социальных отношений, возрастает роль этнической комплиментарности. Теневизации экономики в значительной степени способствует закрепление в системе управления республик практик неформального этнического квотирования. По оценке исследователей, в них реализуется неформальный «общественный договор, в рамках которого этническая принадлежность персоналий политико-управленческой элиты соотносится и даже предопределяется этническим составом данного субъекта, однако при приоритете титульных народов». Этот договор выражает коллективные представления большинства жителей республик о том, «что персоналии политико-управленческой элиты региона должны принадлежать, прежде всего, к титульным этническим группам» [23, с. 4–5]. Тем самым, в реальной практике закреплено представление о неравенстве этнических групп. При этом ряд исследователей признают, что в нынешних условиях принцип этнического представительства (квот) устарел. Население уже не видит реальной связи избранного депутата и интересов его этнической группы: депутаты «никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию» [24, с. 35]. Вместе с тем, сохранение таких практик блокирует социальный лифт для мобильности молодёжи в социальном пространстве своих республик.

Все выделенные характеристики социально-экономической и политической среды северокавказских республик свидетельствуют об архаизации социальных взаимодействий, которая была вытеснена вместе с модернизаторской деятельностью российского (советского) государства. Сворачивание институтов общества современного типа, выезд русского городского населения вызвали восстановление архаичных структур, которые выполнили функцию «аварийной защиты» в сложный период 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов. Этот тип отношений в последнее десятилетие выдавливает из региона молодёжь не только русского, но и северокавказских народов, открывая перспективу сохранения республик в качестве заповедников традиционных культур.

Анализ социологического опроса, проведённого авторами статьи в 2022 г., показал высокую степень близости позиций молодёжи по большинству поставленных вопросов, независимо от этнической идентичности респондентов. Важным источником конструирования этнической идентичности выступают исторические представления, которые формируются в семье. Этот процесс включает знакомство с нарративами об истории совместного проживания русского и северокавказских народов в процессе взросления в семье в повседневной жизни, во взаимодействии со сверстниками в школе. На этот пласт коллективных представлений наслаивается освоение больших исторических нарративов этнонациональных групп, которые позиционируются в школьных курсах по истории и литературе. Большинство респондентов отмечают, что в их семьях роль русских в истории Северного Кавказа оценивается позитивно (суммарно ответы «положительно» 42% и «скорее положительно» 15% составляют 57%). Вместе с тем 40% респондентов заявили о своей нейтральной позиции (оценка удовлетворительно). Чётко отрицательную оценку высказали только 3% респондентов. При этом среди русских позитивную оценку высказали немного больше респондентов (65%), чем среди респондентов, представляющих народы Северного Кавказа (50%) (см. рис. 1). Следует отметить также, что исторические травмы, воспоминание о которых присутствует в публичном дискурсе учёных, журналистов и общественных деятелей, представляющих народы региона, молодёжью не переносятся на русское население.

Определяющее значение в истории Северного Кавказа имеет масштабная советская модернизация, имевшая системный характер, включавшая политический, экономический и социокультурный аспекты. В этот период достаточно быстрыми темпами происходит переход северокавказского сообщества от традиционного аграрного к модернистскому индустриальному этапу развития. Большую роль в этом процессе, как отмечалось выше, играло русское население. В инструментарии опроса было предложено оценить вклад русского населения региона в его модернизацию. Ответы были ранжированы по пятибалльной шкале, где 5 и 4 – позитивные оценки, 3 – удовлетворительная и 2 и 1 – неудовлетворительные. Собранный материал свидетельствует в целом о положительной оценке студентами роли русского населения в модернизации региона. Отрицательные оценки практически отсутствуют (5%). Отметим также различия в оценках между респондентами разных этнических групп (см. рис. 2).

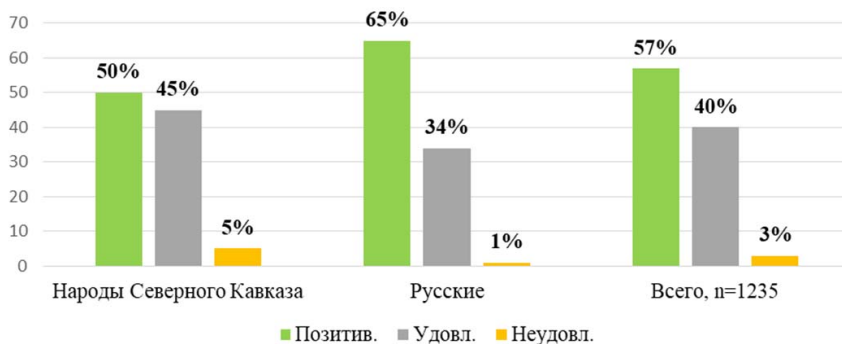

Рисунок 1. Оценка респондентами семейных нарративов о роли русских в истории Северного Кавказа, %

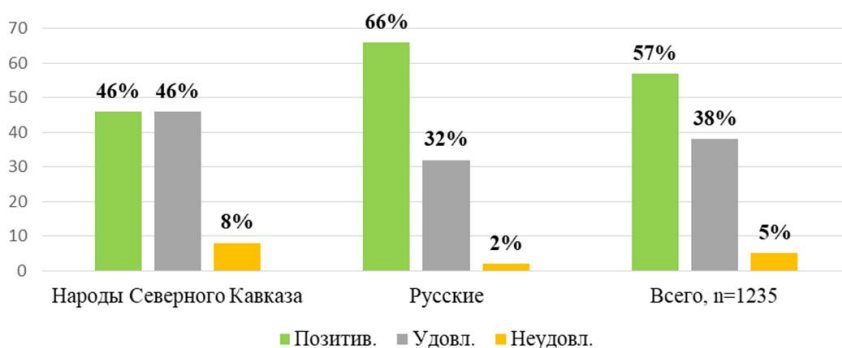

Рисунок 2. Оценка молодёжью вклада русского населения в модернизацию Северного Кавказа в советский период, %

Эта совокупная оценка дополнялась выявлением представлений русской и северокавказской молодёжи о базовых чертах национального характера русских, расселённых в регионе, а также – степени социокультурной и ценностной общности русского и северокавказского населения. В перечне предложенных характеристик русских были указаны значимые для межкультурной интеграции: доброжелательность, открытость, ориентированность на поддержание традиций своей культуры, а также готовность к принятию культуры народов Северного Кавказа. Анализ собранного материала показывает незначительные различия в оценках русской и кавказской групп респондентов. Так, основное большинство респондентов, 80% в целом по массиву опрошенных, согласились с тем, что русским присуща доброжелательность и открытость. Значимость товарищества и коллективизма как характерной черты русских на Северном Кавказе отмечают 74% респондентов. Эти характеристики не вызвали значимых различий в ответах по этническим группам. Значительно меньше респондентов согласились с тем, что русским присуще стремление сохранять этнокультурные традиции. Эту черту отметили только 58% респондентов, почти четверть (22%) – отклонили эту характеристику. Важно отметить также, что большинство респондентов (64% по массиву) отмечают открытость русских к принятию традиций и культуры северокавказских народов; однако почти пятая часть (18%) считают, что эта черта отсутствует. Выявлены незначительные различия в этих оценках между русскими и респондентами из числа северокавказских народов (см. табл. 2).

Более заметную дифференциацию позиций вызвал вопрос о приверженности русской молодёжи собственной культурной традиции, массовой культуре и региональной северокавказской культуре. Большинство ответов (41%) собрала позиция приверженности русской молодёжи региона северокавказской культуре. Четверть респондентов указали на то, что русская молодёжь в большей степени стала носителем западных ценностей и массовой культуры. При этом русские респонденты в большей степени (30%) выделяют данную характерную черту, чем молодёжь, относящая себя к северокавказским народам (20%). Меньше всего респондентов считают, что большинство русской молодёжи является носителем традиционной русской культуры (11%). Различия в ответах по национальным группам респондентов незначительны.

В связи с тем, что современная молодёжь много времени проводит в интернете, интересна была оценка отношения к русским в интернет-пространстве, блогосфере

Таблица 2

Представления молодёжи о базовых чертах национального характера русских, проживающих на Северном Кавказе, %

Черты национального характера	Народы Северного Кавказа			Русские			Всего, n=1235		
	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить	Присущи	Не присущи	Затруднились ответить
Доброжелательность и открытость	80	11	9	82	9	9	80	10	10
Товарищество и коллективизм	72	16	12	76	12	12	74	13	13
Стремление сохранить русские культурные традиции	53	26	21	63	20	17	58	22	20
Принятие традиций и культуры северокавказских народов	61	20	19	68	16	16	64	18	18

и социальных сетях. Большинство респондентов (38%) полагают, что эта проблема в интернете освещается позитивно, ещё 19% не видят её в интернет-ресурсах; лишь 7% считают, что она освещается в негативном ключе. Высокий уровень совпадения позиций выделенных этнических групп респондентов свидетельствует о достижении социокультурной общности русской и северокавказской молодёжи. Характерные черты русского населения региона представляются молодёжью в позитивном ключе. Русские, по мнению респондентов, не утратили установки на традиционность, товарищество и коллективизм, открыты традициям и культуре северокавказских народов.

Выявленный уровень позитивной установки молодёжи в сфере межэтнических взаимодействий позволяет перейти к вопросу об отношении к выезду русского населения из региона. Собранный материал показывает, что у основного большинства опрошенных (79% в целом) эта ситуация не вызывает беспокойства (совокупность ответов «не беспокоит» – 55% и «затрудняюсь ответить» – 24%). Оставшаяся пятая часть респондентов утвердительно высказали своё беспокойство (21%). При этом северокавказскую молодёжь эта проблема беспокоит в три раза меньше (9%), чем русскую молодёжь (31%) (см. рис. 3).

В связи с тем, что миграция русского населения из субъектов Северного Кавказа продолжается, в ходе социологического исследования определялась оценка молодёжью наиболее значимых факторов оттока русских из региона. Такими факторами, по мнению молодых людей, являются отсутствие перспектив для развития и самореализации – 68%, бедность и безработица – 66%. Менее значимыми, но заметными факторами являются клановость и коррупция – 56%, а также напряжённость в межнациональных отношениях – 47%. Следующими по значимости являются проблемы личной безопасности, чувство незащищённости, страх за своё будущее – 43%. На морально-психологический дискомфорт как причину оттока указали 42% респондентов. Русские респонденты проявляют более высокую чувствительность к влиянию этих факторов, чем представители северокавказских народов (см. табл. 3).

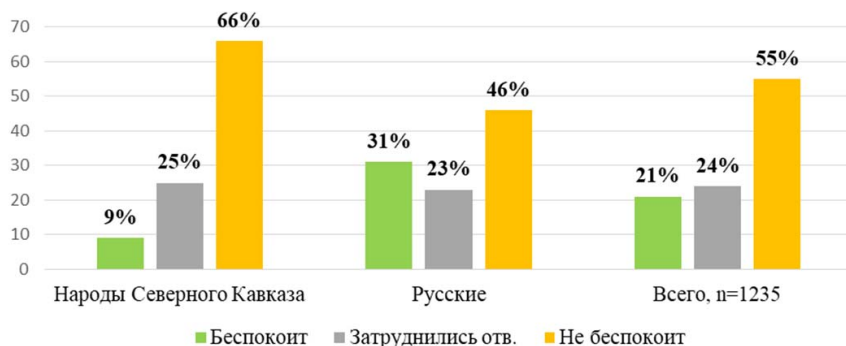

Рисунок 3. Отношение молодёжи к выезду русского населения из региона, %

Таблица 3

Оценка молодёжью наиболее значимых факторов оттока русских за пределы Северного Кавказа, %

Факторы оттока	Народы Северного Кавказа	Русские	Всего
Отсутствие перспектив для развития и самореализации	62	74	68
Бедность и безработица	61	71	66
Клановость и коррупция	49	63	56
Напряжённость в межнациональных отношениях	37	54	47
Чувство незащищённости, страх за своё будущее	33	52	43
Морально-психологический дискомфорт	33	50	42

Однако указанные причины формируют миграционные установки не только у русской, но и у северокавказской молодёжи. На свои планы продолжать обучение или работу в другом регионе за пределами Северного Кавказа указали 51% респондентов, при этом различий позиций в зависимости от национальности не проявилось. В качестве причин миграционных настроений 50% выделили отсутствие в своём регионе перспектив для развития и самореализации, 29% – бедность и безработицу, 24% – клановость и коррупцию, 15% – морально-психологический дискомфорт, 14% – чувство незащищённости и страх за своё будущее, лишь 10% указали на напряжённость в межнациональных отношениях. Основные причины носят социально-экономический и морально-психологический характер. Причины, связанные с межнациональной напряжённостью, угрозой терроризма и экстремизма, характерные для 1990-х гг. и 2000-х гг. сегодня уже не имеют былого влияния.

Позитивность межэтнических отношений и установки на социокультурную интеграцию подтверждаются оценкой социальной дистанции между русской и северокавказской молодёжью. Она измерялась на основе модифицированной шкалы Богардуса по пятибалльной системе (1 – минимальный, 5 – максимальный балл), когда респонденты указывали свою готовность участвовать в кон-

тактах разной степени близости с представителями другой этнической группы (соседство, семейное родство, совместная учёба или работа). В оценках опрошенных преобладают положительные установки. Так уровень социальной дистанции между русскими и молодыми людьми из числа северокавказских народов – 1.11 балла, а между северокавказской и русской молодёжью – 1.08 балла, что свидетельствует о незначительности социальной дистанции в молодёжной среде.

В ходе исследования была определена степень интеграции молодёжи вокруг основных социокультурных символов общероссийской идентичности. Так при ответах на вопрос, что объединяет Вас с гражданами России, 87% респондентов русских по национальности и 82% относящих себя к северокавказским народам указали на общее государство. Общее историческое прошлое является символом-интегратором для 83% русской молодёжи и 68% северокавказских народов. Историческая память северокавказских народов сохраняет наряду с интегрирующими, потенциально конфликтные нарративы, что объясняет меньшую объединяющую роль исторического прошлого. Русский язык имеет высокий интегративный потенциал. Это подтверждается тем, что он выступает объединяющим символом для 89% русских и 78% респондентов из числа северокавказских народов. Значение русской культуры как интегратора для молодых людей, относящих себя к северокавказским народам существенно ниже (43%), в качестве значимого фактора интеграции её указывают в два раза больше русских респондентов (83%).

Выводы. Снижающийся социокультурный статус и отрицательная миграционно-демографическая динамика русского населения Северного Кавказа могут оказать негативное влияние на дальнейшее социально-экономическое и социокультурное развитие региона. Это становится одним из факторов частичной архаизации и этнизации социальных взаимодействий. Русские в регионе всегда рассматривались как носители российской ментальности, выступали одной из основ интеграции в российское социокультурное пространство. Этот процесс несёт в себе двустороннюю направленность этнокультурного взаимодействия, который лежит в основе российской цивилизации. В этой связи отток русского населения из региона нельзя рассматривать только в демографическом аспекте, поскольку происходит потеря и носителей русской культуры, ослабляется объективная и ментальная основа российской социокультурной идентичности. Сложившиеся на Северном Кавказе негативные социально-экономические тенденции в последнее десятилетие выдавливают из региона молодёжь не только русского, но и северокавказских народов, открывая перспективу сохранения республик в качестве заповедников традиционных культур.

В результате эмпирического исследования было выявлено несколько факторов, влияющих на межкультурные интеграционные процессы: во-первых, стабилизация внутривнутриполитической обстановки в субъектах СКФО определила «засыпание» этнической идентичности в молодёжной среде на уровне повседневных практик; во-вторых, можно зафиксировать высокую степень совпадения позитивных оценок респондентами разных этнических групп вклада русского населения в развитие северокавказского региона в XX веке; в-третьих, опрос позволил установить высокую степень совпадения самоописания коммуникативных этнических характеристик русской части респондентов и восприятия русских респондентами, идентифицирующими себя с северокавказскими народами. Все выявленные позиции создают возможность для оптимистического прогноза

в сфере укрепления межэтнической интеграции в молодом поколении северокавказского региона.

Собранные данные подтверждают также результаты других эмпирических исследований. В частности, более ранние замеры многоуровневой идентичности молодёжи региона свидетельствуют о непротиворечивом совмещении в представлениях молодёжи общероссийской гражданской и этнической идентичностей, что выражает одну из базовых ценностей российской цивилизации – сотрудничество и комплиментарную совместность жизни в общем социально-политическом и экономическом пространстве разных народов, сохраняющих свою этнокультурную идентичность (эта позиция была аргументирована эмпирическими данными в исследованиях Л. М. Дробижевой) [25, с. 16–17]. Не случайно опросы северокавказской молодёжи фиксируют устойчивость выбора позиции, поддерживающей самобытность российской цивилизации. Так совокупность ответов «Россия – ни Запад, ни Восток и имеет собственный путь развития» и «Россия – мост между западом и Востоком» в 2009 г. составила 72,2% (57,8% и 14,4% соответственно), а в 2021 г. – совокупность аналогичных позиций «Россия – самобытная цивилизация» и «Россия – мост между западной и восточной цивилизациями» – 73,4% (38,8% и 34,6% соответственно) [16, с. 83].

Эмпирические замеры восприятия социальной дистанции представителями различных этнических групп (в том числе – северокавказских народов) в соседней Ростовской области свидетельствуют о симпатиях к русским, которую выражают от 77 до 91% по разным этническим группам, а также консолидированность представителей всех этнических групп на основе доминирующих ценностей – русского языка и русской культуры [26, с. 54–78, 45–46]. Подчёркивая позитивность наблюдаемого уровня социокультурной интегрированности молодёжи, следует указать также на влияние поколенческого фактора. Ведущей проблемой этого возрастного периода является самоопределение в профессиональном выборе и продвижение (укрепление) социально-статусных позиций. Социально-экономические проблемы региона задают одинаковый импульс к выезду молодёжи разных национальностей за его пределы. В этом контексте выезд русского населения не воспринимается большей частью молодёжи как остро актуальная проблема. Она таковой не воспринимается и большинством республиканских элит, занятых проблемами регионального уровня. Исторический опыт формирования Северного Кавказа как составной части большого макрорегиона – Юга России, свидетельствует о том, что межкультурная интеграция народов как проявление российской цивилизационной самобытности укрепляется на основе масштабных совместных экономических проектов. Таким явлением в этом макрорегионе был процесс индустриализации. Нынешнее поколение молодёжи Северного Кавказа готово к возобновлению этого процесса в регионе на новой технологической основе, готово и к сотрудничеству с представителями различных народов, что формирует возможность возвращения сюда русского городского населения.

Библиографический список

1. Дробижева Л. М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61. DOI [10.31857/S013216250015254-2](https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2). EDN [XPLWQE](https://www.edn.ru/XPLWQE).
2. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](https://www.edn.ru/WGDKYE).

3. Боров А. Х., Кочесоков Р. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Философские науки. 2011. № S1. С. 43–60. EDN [OUWZFD](#).
4. Цуцьев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий (часть I) // Научная мысль Кавказа. 2001. № 2. С. 65–74.
5. Цуцьев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий (часть II) // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 52–59.
6. Левинсон А. Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3-4(113). С. 78–89.
7. Ware R., Kisriev E. Russian hegemony and Islamic resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y. : Routledge, 2009. 367 p. ISBN 9780765620293.
8. Górecki W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War // OSW Studies. 2014. No. 47. P. 53–57.
9. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону : РГПУ, 2003. 350 с. ISBN 5-8480-0365-3. EDN [QPMFFB](#).
10. Дзадзиев А. Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России : сб. ст. / Под ред. В. А. Тишкова. М. : Росинформаротех, 2008. С. 129–146.
11. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005. 304 с. ISBN 5-94282-230-1. EDN [QOPAUJ](#).
12. Суцций С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 115–140. EDN [ZWLDDBR](#).
13. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, В. П. Войтенко [и др.]. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016. 318 с. ISBN 978-5-91604-020-3. EDN [UUXWRI](#).
14. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (по состоянию на первое полугодие 2018 года) : Экспертный доклад / Г. С. Денисова, А. В. Баранов, В. М. Викторин [и др.]. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 184 с. ISBN 978-5-907125-04-9. EDN [YAEERP](#).
15. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. : Экспертный доклад / Р. И. Абакаров, В. А. Авксентьев, А. З. Адиев [и др.]. Ставрополь : СКФУ, 2018. 168 с. ISBN 978-5-9296-0969-5. EDN [XWUYVV](#).
16. Авксентьев В. А., Аксенов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI [10.31857/S013216250019645-2](#). EDN [HEOCFJ](#).
17. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. Ставрополь : ООО «Бюро новостей», 2022. 370 с. ISBN 978-5-6048583-4-9. EDN [LGWKDG](#).
18. Суцций С. Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XXI в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4(41). С. 66–73. DOI [10.25744/vestnik.2018.41.4.011](#). EDN [YPTCIX](#).
19. Пути мира на Северном Кавказе : Независимый экспертный доклад / Н. С. Авдулов, Ю. Д. Анчабадзе, Д. Д. Гакаев [и др.]. М. : ИЭА РАН, 1999. 184 с. ISBN 5-201-14638-4. EDN [SIODHJ](#).
20. Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Под ред. И. Г. Косикова. М. : МАКС Пресс, 2012. 504 с. ISBN 978-5-317-04288-2. EDN [TXETFV](#).
21. Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137. DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](#). EDN [WRYNLO](#).
22. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов [и др.]. М. : Дело, 2011. 328 с. ISBN 978-5-7749-0662-8. EDN [WFKTML](#).
23. Адиев А. З., Аккиева С. И., Аствацатурова М. А. [et al.] Неформальное этническое когитирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа : Аналитический доклад. Махачкала, 2017. 53 с. ISBN 978-5-6040498-1-5.

24. *Фарукиши М. Х.* Политическое представительство этнических групп // Вестник Российской нации. 2011. № 4-5. С. 24–44. EDN [OIQAWT](#).
25. *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31. EDN [YHTCAN](#).
26. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г. С. Денисова, М. А. Герман, В. И. Денисов, С. Я. Суций. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 188 с. ISBN 978-5-907125-07-0. EDN [YLIXNJ](#).

Поступила: 18.12.2023. Принята: 30.01.2024.

Сведения об авторах:

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. dgsrostov2013@gmail.com
Author ID РИНЦ: [76864](#); ORCID: [0000-0002-3671-9602](#)

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
ewg.avdeev@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [686511](#); ORCID: [0000-0003-4004-9610](#)

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
sergey_vorobev_54@mail.ru
Author ID РИНЦ: [165159](#); ORCID: [0000-0002-8893-2595](#)

G. S. Denisova¹, E. A. Avdeev², S. M. Vorobev²

¹ Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

² North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia

THE ROLE OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE SOCIOCULTURAL INTEGRATION OF PEOPLES NORTH CAUCASUS: DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND PERCEPTIONS STUDENT YOUTH OF THE STAVROPOL TERRITORY

Abstract. The article is devoted to the role of the Russian population in the sociocultural integration of the North Caucasus. The declining sociocultural status and negative migration and demographic dynamics of the Russian population of the North Caucasus have a negative impact on the further development of the region. The risks of reducing the role of Russian culture and weakening the mental basis of Russian sociocultural identity are increasing. Based on a sociological analysis of integration processes in the region, the sociocultural significance of Russians as bearers of the basic institutions of Russian culture and statehood in the process of Soviet and post-Soviet modernization is highlighted. The main reasons for the outflow of the Russian population in the 1980-1990s and the ongoing decline in its number are revealed. Based on a sociological survey, a positive assessment by young people of the contribution of the Russian population to the modernization of the North Caucasus, their positive ideas about the basic features of the national character of Russians living in the North Caucasus, a high degree of integration of young people around the main socio-cultural

symbols of all-Russian identity were determined. According to respondents, the main reasons for the outflow of Russians from their region are the lack of prospects for development and self-realization, poverty and unemployment, clanism and corruption. The decline in the Russian population is not perceived by most young people as a significant problem. A high degree of coincidence of positive assessments by respondents of different ethnic groups of the contribution of the Russian population to the development of the North Caucasus was revealed, a significant degree of coincidence was established between the self-description of the communicative ethnic characteristics of Russian respondents and their perception by respondents from among the North Caucasian peoples. The results of the study confirm a steady trend towards strengthening interethnic integration among young people in the North Caucasus region.

Keywords: North Caucasus, youth, Russians, sociocultural integration, demographic dynamics, migration

For citation: Denisova G. S., Avdeev E. A., Vorobev S. M. The role of the Russian population in the sociocultural integration of peoples North Caucasus: demographic dynamics and perceptions student youth of the Stavropol Territory. *Science. Culture. Society*. 2024;30(1):62–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.5>.

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 3-28-00237 “Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People’s Identity”.

References

1. Drobizheva L. M. 1990’s Experience and Cultural Diversity Management. *Sociological Research*. 2021;(8):49-61. (In Russ). DOI [10.31857/S013216250015254-2](https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2).
2. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Evseeva M. A. [et al.] Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice. Moscow: FNISTC RAS; 2022. (In Russ). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
3. Borov A.Kh., Kochesokov, R.Kh. Northern Caucasus in the Russian Civilising Process: the Contradictions of Integration and Synthesis. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2011;(S1):43–60. (In Russ).
4. Tsutsiev A. A. Russians and Caucasians essay of habitual perceptions (part I). *Scientific Thought of Caucasus*. 2001;(2):65–74. (In Russ).
5. Tsutsiev A. A. Russians and Caucasians essay of habitual perceptions (part II). *Scientific Thought of Caucasus*. 2001;(3):52–59. (In Russ).
6. Levinson A. Caucasian problems in the narratives of the inhabitants of the Caucasus and the rest of Russia. Bulletin of public opinion. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2012;(3-4):78–89. (In Russ).
7. Ware R., Kisriev E. Russian hegemony and Islamic resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y.: Routledge; 2009. ISBN 9780765620293.
8. Górecki W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War. *OSW Studies*. 2014;(47):53–57.
9. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russians in the North Caucasus: analysis of the transformation of sociocultural status. Rostov-on-Don: RGPU; 2003. (In Russ). ISBN 5-8480-0365-3.
10. Dzadziev A. B. Russian population of the republics of the North Caucasus: modern migration attitudes. In: Tishkov V. A. (ed.) The North Caucasus in Russia’s national strategy. Moscow: Rosinformagrotekh; 2008. P. 129–146. (In Russ).
11. Belozеров V. S. Ethnic map of the North Caucasus. Moscow: OGI; 2005. (In Russ). ISBN 5-94282-230-1.
12. Sushchiy S. Ia. Russians in the Republics of the North Caucasus – frontiers of geodemographic retreat (the first half of the 21st century). *Demographic Review*. 2017;4(3):115–140. (In Russ).
13. Volkov Iu. G., Bedrik A. V., Vojtenko V. P. [et al.] National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. Moscow: Social’no-gumanitarnye znaniia; 2016. (In Russ). ISBN 978-5-91604-020-3.
14. Denisova G. S., Baranov A. V., Viktorin V. M. [et al.] Interethnic relations and religious situation in the Southern Federal District (as of the first half of 2018). Expert report. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovanija; 2018. (In Russ). ISBN 978-5-907125-04-9.
15. Abakarov R. I., Avksentiev V. A., Adiev A. Z. [et al.]. Ethno-confessional situation in the

- constituent entities of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District. First half of 2018: Expert report. Stavropol: SKFU; 2018. (In Russ). ISBN 978-5-9296-0969-5.
16. Avksentiev V. A., Aksiumov B. V. "Identities Portfolio" of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sociological research*. 2022;(7):76–87. (In Russ). DOI [10.31857/S013216250019645-2](https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2).
 17. Avdeev E. A., Averyanov A. V., Vorob'ev S. M. [et al.] National policy of the USSR and its influence on the modern ethnopolitical situation in the views of the youth of the North Caucasus. Stavropol: OOO "Byuro novostei"; 2022. (In Russ). ISBN 978-5-6048583-4-9.
 18. Sushchiy S. Ia. Russian population of North Caucasian cities: demographic dynamics of the 19th – early 21st century. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2018;(1):66–73. (In Russ). DOI [10.25744/vestnik.2018.41.4.011](https://doi.org/10.25744/vestnik.2018.41.4.011).
 19. Avdulov N. S., Anchabadze Yu. D., Gakaev D. D. Paths of peace in the North Caucasus. Independent expert report. Moscow: IEA RAN; 1999. (In Russ). ISBN 5-201-14638-4.
 20. Kosikov I. G. (ed.) Republics of the North Caucasus: ethnopolitical situation and relations with the federal center. Moscow: MAKS Press; 2012. (In Russ). ISBN 978-5-317-04288-2.
 21. Starodubrovskaya I., Kazenin K., Sitkievich D. Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks. *Ekonomicheskaya Politika*. 2021;16(3):112–137. (In Russ). DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137).
 22. Starodubrovskaya I. V., Zubarevich N. V., Sokolov D. V. [et al.]. North Caucasus: modernisation challenge. Moscow: Delo; 2011. (In Russ). ISBN 978-5-7749-0662-8.
 23. Adiev A. Z., Akkieva S. I., Astvazaturova M. A. [et al.] Informal Ethnic Quotas in the Polyethnic Republics of the North Caucasus. Analytical Report. Makhachkala; 2017. (In Russ). ISBN 978-5-6040498-1-5.
 24. Farukshin M. Kh. Political representation of ethnic groups. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2011;(4-5):24–44. (In Russ).
 25. Drobizheva L. M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Universe of Russia*. 2017;26(1):7–31. (In Russ.).
 26. Denisova G. S., German M. A., Denisov V. I., Sushchiy S. Ia. Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia; 2018. ISBN 978-5-907125-07-0.

Received: 18.12.2023. Accepted: 30.01.2024.

Information about the authors:

Galina S. Denisova, doctor of social science, professor, professor of the Department of national history of the XX-XXI centuries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dgsrostov2013@gmail.com
ORCID: [0000-0002-3671-9602](https://orcid.org/0000-0002-3671-9602)

Evgenij A. Avdeev, candidate of philosophical science; associate professor of the Department of philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
ewg.avdeev@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-4004-9610](https://orcid.org/0000-0003-4004-9610)

Sergej M. Vorobev, candidate of political science, associate professor of the Department of philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
sergej_vorobev_54@mail.ru
ORCID: [0000-0002-8893-2595](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595)